

ПРЕДПОСЫЛКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РЫНКИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭКСТЕРНАЛИИ COVID-19: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И БРАЗИЛИИ

В.А. Гневашева^{1а}, Б. де Конти^б

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
^бУниверситет Кампинас

АННОТАЦИЯ:

В статье раскрываются предпосылки трансформации рынков труда России и Бразилии в условиях современных внешних воздействий. При этом подчеркивается, что подобное сопоставление двух рынков, априори разных в динамике современного развития, важно для оценки степени влияния отрицательной экстерналии, имеющей именно социальную направленность воздействия. Один рынок труда – рынок труда России – к рассматриваемому моменту определяется как достигший точки насыщения, в то время как другой – рынок труда Бразилии – характеризуется в волне длительного стремительного роста отдельных, но в то же время ключевых в контексте механизма рынка труда показателей.

Научная задача исследования состоит в детерминации понятия отрицательной экстерналии – COVID-19 для описания условий трансформации двух различных по социально-экономическим предпосылкам и потенциалам развития рынков труда.

Методологической базой исследования выступают теоретические работы как современных, так и классических авторов, раскрывающие вопросы возникновения и влияния отрицательных экстерналий на развитие социально-экономических процессов в целом и рынок труда в частности.

Информационной базой исследования являются российские и международные базы официальной статистики по оценкам как общих тенденций рынков труда, так и последних влияний пандемии на их реструктуризацию.

В результате выявляются тенденции изменений характеристик рынков труда двух стран в соответствии с основными показателями определения рыночного механизма, описываются сложившиеся тенденции и делается вывод об их сходстве и отличиях в межстрановом сопоставлении с обоснованием возможных факторов воздействия на подобную ситуацию и прогностических следствий. Выявленные тенденции развития двух рынков определяются с позиции устойчивости в современных условиях воздействия отрицательной экстерналии – пандемии COVID-19. Приводятся обоснования применимых и возможных к применению мер управленческого воздействия в соответствии с официальными документами об управлении рынками труда двух стран, резюмируется прогностическая направленность отдельных управленческих инструментов влияния на рассматриваемые рынки труда.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60479.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рынок труда, Россия, Бразилия, COVID-19, отрицательная экстерналия, провалы рынка труда.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гневашева В.А., де Конти Б. (2021). Предпосылки управленческого воздействия на территориальные рынки труда в условиях отрицательной экстерналии COVID-19: на примере России и Бразилии // Вопросы управления. № 1. С. 1–13.

¹AuthorID РИНЦ: 298524, ORCID: 0000-0002-3596-661X, ScopusID: 57197809094, ResearcherID: E-3157-2014

Пандемия COVID-19 в отношении механизма формирования мирового рынка труда может быть определена как отрицательная экстерналия, а результат ее воздействия – как провал рынка в целом и рынка труда в частности. COVID-19 в отношении рынка труда следует оценивать в функциональной взаимосвязи социально-экономических факторов. Следствиями данной специфической формы провала рынка выступают: рост трансакционных издержек найма и занятости, формирование и усиление специфической формы структурной безработицы, рост и трансформация скрытой занятости, рост потерь мертвого груза, усиление структурной инфляции трудовых доходов, что в свою очередь дисбалансирует рынок труда и усугубляет межсекторальные диспропорции занятости и качества рабочей силы.

В этой связи определяются ключевые аспекты исследования, а именно методологическое обоснование предпосылок управленческого воздействия на рынки труда России и Бразилии в условиях существующего провала рынка труда, вызванного отрицательной экстерналией COVID-19, через механизм трансформации трудовых отношений и их взаимосвязи с экономическим развитием государств.

Важным концептным модулем исследования выступает следующее утверждение: пандемия COVID-19 определяется как отрицательная экстерналия, приводящая к формированию «провала» рынка, требующего государственного участия с целью ограничения отрицательного внешнего эффекта путем принятия компенсационных мер по снижению формирующихся потерь мертвого груза для общества, роста эффективности рынка труда и формирования социально-экономически устойчивых условий его функционирования.

Объектом исследования выступают рынки труда Бразилии и России. Предмет исследования – выявление формирующихся тенденций трансформации рынков труда двух стран, учитывая их социально-экономическое различие, а также различие этапов развития, в том числе и под воздействием отрицательной экстерналии – COVID-19.

Оценки рассматриваемых рынков позволяют утверждать формирование следующих предварительных условий.

С 2001 по 2015 год в Бразилии произошло резкое сокращение неравенства доходов. Отмечался стремительный рост рынков сырья и ресурсов, произошедшие некоторые институциональные изменения в начале 2000 гг. дали толчок стремительному развитию бразильского рынка труда, увеличив количество официальных рабочих мест, занятость и уровень трудового дохода, особенно для самых бедных слоев трудовых ресурсов. Значительное увеличение уровня профессионального образования и реальной минимальной заработной платы помогло сократить дискриминационные эффекты, в частности этнический, гендерный и региональный разрыв в доходах, хотя данные явления все еще сохраняются. Однако с 2014 года крупный финансовый кризис негативно повлиял на ВВП страны, а следовательно и на рынок труда, поставив под угрозу достигнутые ранее уровни развития социально-трудового пространства.

Многие исследования в отношении рынка труда Бразилии отмечают, что рост уровня трудовых доходов в последние 15 лет устойчиво коррелировал с продолжительностью обучения, то есть с увеличением уровня профессиональной подготовки работников, а значит и с ростом производительности.

Рынок труда России, являясь крупнейшей экономикой в евразийском регионе, несомненно, значимо влияет на экономические показатели и благосостояние в нескольких странах бывшего Советского Союза. За период 2000–2017 гг. российский рынок труда пережил несколько глубоких кризисов и претерпел существенные структурные изменения. Основные сложности состояли в социально-экономических корректировках заработных плат, в то время как совокупная занятость и уровень безработицы слабо коррелировали с ценовыми показателями оценки труда. Трудовые ресурсы столкнулись с ситуацией с одной стороны стабильной занятости, с другой – неустойчивой тенденции формирования заработных плат и высоким риском занижения уровня заработных плат в соответствии с уровнем рабочего времени.

К моменту 2017 года на российском рынке труда сохранялся высокий уровень занятости и низкий уровень безработицы, несмот-

ря на несколько серьезных макроэкономических кризисов за период 2000–2017 гг. Укоренившиеся институциональные особенности распределения занятости замедляют совокупное ее изменение и провоцируют изменение заработной платы в сторону ее сравнительного снижения. За устойчивой производительностью труда скрываются вместе с тем некоторые значимые проблемы, такие как низкая и нестабильная заработная плата, высокое, хотя и уменьшающееся неравенство в доходах, растущая деструктуризация рынка труда. Установленная институциональная модель способствовала поглощению потрясений, но не способствовала экономическому росту и экономической модернизации.

Таким образом, последние пятнадцать лет позволяют говорить о насыщении одного рынка труда – России – и наоборот о стремительном развитии и максимальном наращивании трудового потенциала на другом рынке – Бразилии.

Теоретические предпосылки исследования

Территориальное экономическое развитие зачастую сталкивается с проблемой провалов рынка, вызванной различными экстерналиями, равно как и формирующимися как следствие развития одного из секторов тенденциями для другого.

В отношении изучения и оценки провалов рынка, важно отметить базовые экономические исследования, которые проводили А. Пигу [1], С. Кузнец [2], Л. Вальрас [3], М. Фридман [4].

Определенное влияние на обоснование необходимости активного государственного воздействия на рыночный механизм оказали взгляды социалистов-утопистов (К. Сен-Симон, Р. Оуэн) и К. Маркса, представивших острую критику социальных противоречий капиталистического способа производства и таких его проблем, как цикличность развития, кризисы, безработица и т. д.

Проблемы несовершенства и неэффективности рыночного механизма в экономике переходного периода нашли отражение в трудах Р. Дорнбуша [5], Дж. Стиглица [6], Я. Корнаи [7].

Современные исследователи также обращаются к вопросам планирования в современ-

ных рыночных условиях (Базгулин А.В., Колганов А.И. [8]), к определению вероятности возникновения провалов рынка в условиях современного развития (Бондаренко И.А. [9], Асланова О.А. [10]), определению специфических понятий в отношении современных социально-экономических условий, как, например, понятия «системного риска» (Алешина А.В., Булгаков А.А. [11]).

Идеи структурной концепции трансформации рынков были определены У. Баумодем и далее Д. Мейнардом, В. Рикегемом. Идея структурных трансформаций в отношении рынка труда определялась разностью изменений темпов производительности труда в секторах экономики в отношении примерно схожих изменений в отношении заработной платы.

Идею разности заработных плат в связи с производством и распределением разных категорий товаров и услуг, на цену которых влияет внешняя торговля, то есть стоимость которых определяется в результате внешнего обмена, подчеркивают представители скандинавского подхода: О. Аукруст, Е. Едгрэн, К. Факсе, К. Однер и др.

Современные исследования в этой части определяют значимые структурные факторы, побуждающие к дифференциации на рынке труда. Так, в исследовании А. Ю. Ощепкова отмечается, что структурный фактор, определяемый как различия в региональной структуре занятости объясняет лишь треть всех существующих диспропорций [12].

Ряд исследований направлен на обоснование трансформации качества рабочей силы через изменение системы спроса на профессиональное образование при формировании рабочей силы [13].

В исследовательских работах А. В. Топилина приводится системный анализ тенденции формирования трудового потенциала России, позволяющий определить предпосылки трансформации рынка труда в преддверии воздействия внешних негативных факторов [14].

Общие социально-экономические предпосылки, вызванные пандемией

Пандемия COVID-19 имеет далеко идущие последствия. Сообщение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в декабре 2019 года о возникновении новой внешней угрозы,

повлиявшей на жизнь людей во всех сферах, во всем мире, не было воспринято изначально настолько серьезно, как это стало позднее.

Риски возникшей отрицательной экстерналии для общества и экономики отдельных стран и мира в целом, отдельных рынков и глобального мирового рынка привели к экономическому кризису гораздо более тяжелому, нежели мировой кризис 2008–2009 гг. Прогнозные значения сокращения мировой экономики на 3 % в 2020 году исполнились едва ли [15]. Пандемия напрямую повлияла на международную торговлю и глобальные цепочки поставок (GSC), которые связывают производства в разных государствах, образуя единые производственно-торговые цепочки. Сбои в производстве, связанные с COVID-19, первоначально возникшие на одной территории, за счет быстрого волнового эффекта распространялись по всей цепочке промышленно-торговой сети, оказывали глобальное внутри- и межотраслевое воздействие [16].

Вводимые глобальные ограничения, которые изначально были ограничениями лишь со стороны предложения, достаточно быстро превратились в проблему и со стороны спроса. Как следствие, все уровни отраслевых цепочек поставок ресурсов и комплектующих, а также дистрибутивных и торговых цепочек были втянуты в экономические и социальные последствия COVID-19 [17; 18].

Риски, связанные с COVID-19, для работников включают потерю занятости и доходов, а с усилением рисков для здоровья – и снижение производительности труда. Подобные тенденции еще более очевидны для производственно-торговых цепочек товаров первой необходимости, сектора услуг, секторов с активным привлечением мигрантов.

Структурно под угрозой оказались малые и средние предприятия, а в территориях с развитым неформальным сектором, то есть в развивающихся странах – и неформальные.

Снижение совокупного спроса на товары и услуги одновременно означало для предприятий рост производственных затрат, ограничение доступа к финансам, снижение производительности труда, рост транспортных расходов.

В этой связи сектора малого предпринимательства пострадали в большей степени, так

как доля затрат в них, в том числе затрат на труд, существенно выше.

Последние оценки Международной организации труда (МОТ) показывают, что 94 % мировой рабочей силы проживает в странах с рекомендуемым или обязательным закрытием рабочих мест и что 165 миллионов рабочих мест с полной занятостью (при 40-часовой неделе) были ликвидированы в первом квартале 2020 года [19].

Кризис привел как к прямому, так и косвенному снижению доходов работников, в том числе за счет остановки производств, а убытки от ограничений продаж – на торговые отношения по целому ряду важных товаров и услуг.

Так, примерами отраслей, которые сильно зависят от торгово-производственных цепочек и серьезно пострадали от вводимых ограничений деятельности, являются легкая и пищевая промышленность. Данные отрасли столкнулись с «шоком спроса», перебоями в поставках промежуточных товаров и расторжением контрактов [20].

Во времена COVID-19 на первый план выходят проблемы социальной защиты, в том числе в сфере трудовой деятельности, с целью и ожиданиями максимального сохранения занятости и дохода.

Учитывая, что на сегодняшний день во всем мире более 3 миллионов случаев заражения и около 250 000 смертей от вируса, а также то, что ожидаемые потери для рынка труда – это 305 миллионов рабочих мест во всем мире к середине года, риски как для экономики, так и для социума как никогда высоки.

Правительства продолжают искать наилучшие управленческие решения, все более ограничивая собственные рынки и замыкая их в собственных территориальных пространствах, в то время как возможности гораздо более широкого международного сотрудничества в создании необходимого глобального ответа на глобальный вызов могут быть более действенными.

Но поскольку «войну» с COVID-19 еще предстоит выиграть, важно понимать, что после ожидаемой победы нас ждет «новая норма» организации экономики и общества и, в том числе, рынка труда и трудовых отношений.

Однако сегодня достаточно сложно прогнозировать, какой будет эта новая норма, которая во многом определяется и формируется под действием все усиливающихся ограничений и отнюдь не является результатом свободного выбора и социально-экономических предпочтений.

Следствия преодоления кризиса 2008–2009 годов были определены, казалось бы, найденной «вакциной» против «вируса финансового избытка» глобальной экономики, но она, по всей видимости, была более безопасной, чем новая от пандемии COVID-19. И все же кризис 2008–2009 гг. привел к усилению дифференциации регионов как в целом, так и в рамках сегментных отношений рынков труда, усилив отставание низкоквалифицированной рабочей силы в общих трудовых потоках.

Пандемия «обнажила» крайнюю нестабильность и несправедливость современного мирового рынка труда. Именно сокращение средств к существованию в неформальной экономике, где зарабатывают на жизнь шесть из десяти рабочих, стало причиной предупреждения для Мировой продовольственной программы о надвигающейся пандемии голода.

Именно неспособность гарантировать безопасность на рабочем месте ежегодно обрекает почти 3 миллиона человек на смерть из-за выполняемой ими работы. И это неконтролируемая динамика растущего неравенства, что означает, что если с медицинской точки зрения вирус не проводит различий между своими жертвами по своему социальному и экономическому воздействию, он жестоко дискриминирует самых бедных и бесправных.

Карантинные меры приняты как в тоталитарном Китае, так и в демократической Европе. Повсеместно фиксируются огромные потери экономик. Отдельные эксперименты в Швеции, Беларуси и особенно Бразилии, которые пытались игнорировать проблему, продемонстрировали общественную опасность подобных решений.

Особенности развития ситуации в отношении Российского рынка труда

У России есть ряд преимуществ, которые позволяют ей переживать эпидемию с меньшими потерями:

- бедность и отсутствие массового внешнего туризма;
- низкая плотность населения и низкая частота сообщений между регионами;
- достаточно ответственное население, готовое выполнять инструкции;
- противоэпидемические традиции, заложенные еще в истории.

С введением карантинных мер резко сократились доходы домохозяйств. В последние годы работающие в большей доле живут в кредит. Заработная плата не поспевает за ростом цен, и людям приходится обращаться в банки, чтобы поддерживать и без того низкий уровень потребления.

К январю 2020 года долги населения достигли крайне низкого уровня в 17 триллионов российских рублей (около 215 млрд. евро) [21].

Подавляющее большинство живет «от зарплаты до зарплаты», не имея никаких сбережений. Согласно официальной статистике, не более чем у трети домохозяйств есть сбережения.

Первый заместитель Министра труда и социальной защиты Российской Федерации, принимая участие во втором заседании рабочей группы по занятости стран G20 в период японского председательства на форуме (22–24 апреля 2019 г., Токио), был активно вовлечен в обсуждение вопросов политического ответа на вызовы в новых формах занятости, как, например, удаленная работа, работа на организационных платформах; анализа и сокращения гендерного разрыва в отношении временных трудовых затрат; глобальных торговых цепочек. Выступив с докладом о политическом ответе на вызовы удаленной работы сотрудников, А. Вовченко отметил, что подавляющая часть занятости в России сегодня – это бессрочные договорные отношения (на момент 2018 г. так работает 90,1 % занятых мужчин и 94,3 % женщин) [21].

Особенности развития ситуации в отношении Бразильского рынка труда

Включение Бразилии в глобальные производственно-сбытовые цепочки обусловлено как рядом потенциально значимых отраслей (как то: продукты питания и технологии, активное развитие которых предопределено разнообразием и агробизнесом территории), так и секторы, находящиеся в процессе быст-

рого роста, такие как сектор узкоспециализированных услуг, а также сектора, обеспечивающиеся нематериальными ресурсами.

В отношении мирового сектора услуг отмечается, что рост данного сектора в мире преимущественно обусловлен именно частью узкоспециализированных услуг, который уже соответствует 54 %, и ожидается, что к 2025 году он достигнет 75 % мировой торговли, что обусловлено нематериальными компонентами конечной стоимости продуктов, частично за счет сближения между секторами, трансформации услуг. Горизонт, который необходимо при этом учитывать, – это новая географическая ось производства и инноваций, формирующаяся за счет стран, которым удается перейти от конкурентоспособности, основанной на низких затратах, на рабочую силу, сырье и производственные затраты, на знания, квалифицированную рабочую силу и технологические достижения [22].

Рост производительности – ключевой фактор в подобных рыночных трансформациях, обусловленный ростом конкурентоспособности и за счет этого прибыльности организаций.

Работники в подобных условиях также получают выгоды через участие в прибыли организации и росте дохода при перераспределении большей прибыли, что в свою очередь формирует стимулы для обучения новым знаниям или развития карьеры.

Продвижение инноваций приводит к дальнейшему развитию новых и динамичных секторов, таких как «инновационная индустрия».

Тем не менее, важно также учитывать и еще действенные негативные воздействия: существенная доля штатной занятости, обремененной высокими временными затратами в отношении перемещения на рабочее место, что отражается на уровне производительности работников.

Так, например, в городе Сан-Паулу примерно 1 миллион работающих ежедневно переезжают из других городов, где они живут, а использование при этом общественного транспорта может существенно снижать мобильность работников и увеличивать их временные затраты.

Рост производительности труда и технологическое развитие в современном мире неумолимо связано с настоящей ориентацией на политику устойчивого развития.

Эта политика, в дополнение к необходимости обеспечения решений экологических проблем, может оказывать положительное влияние на рынок труда, обусловленное ростом инвестиций в инфраструктуру, переход на возобновляемые энергетические ресурсы, как, например, солнечную и ветровую энергию, что, как отмечается в ряде исследований, имеет большой потенциал для создания дополнительных рабочих мест.

Так, в 2016 году на индустрию возобновляемых источников энергии приходилось 68,8 % рабочих мест в общем производстве электроэнергии, однако этим сектором обеспечивалось лишь 15,4 % всех электроэнергетических ресурсов страны.

Новые возможности развития, в том числе и устойчивого, открывает и демографический переход: в 2020 году люди в возрасте старше 60 лет будут составлять 15 % населения Бразилии, с продолжением этой тенденции роста числа пожилых людей в общей численности населения страны. Подобные явления, могут отчасти мотивировать ценить возможности, предлагаемые увеличением продолжительности жизни населения, как то: использование профессионального опыта пожилых работников, создание и улучшение инфраструктуры, в частности возможностей городской мобильности, рост обеспеченности и качества услуг здравоохранения, культуры и спорта [22].

Также значимыми управленческими решениями в отношении рынка труда являются задачи снижения дифференциации доходов, в том числе через прогрессивную шкалу налогообложения, предоставление системы субсидий и трансфертов.

В сфере государственной политики занятости рассматриваются инструменты активной формы, направленные на скорейшее включение индивидов в трудовую деятельность, в том числе и через инструменты субсидий занятости в отношении предприятий и организаций.

Кроме того, такие методы управленческих решений в отношении рынка труда, как инклюзивное участие в трудовой деятельности,

снижение неравенства, являются частью политики по продвижению концепции достойного труда и гарантированного трудового дохода.

Общественные соглашения по вопросам труда и занятости, основанные на ценностях и ожиданиях общества являются значимыми в условиях современных социальных и экономических преобразований.

Оценка основных показателей развития национальных рынков труда России и Бразилии

Статистические оценки основных показателей развития рынков труда двух стран позволяют сделать выводы о сформировавшихся тенденциях занятости до возникновения провала рынка труда под действием отрицательной экстерналии COVID-19.

Общие оценки численности населения свидетельствуют о разных тенденциях воспроизводства населения в рассматриваемых странах, в то время как для Бразилии существует постоянный рост численности населения, для России после условной точки пересечения с графиком численности населения Бразилии в 1990 году наметилась затухающая тенденция воспроизводства населения с постоянным увеличением дельты приращения населения Бразилии (рис. 1). Подобная ситуация может свидетельствовать и о наращивании Бразилией человеческих ресурсов, в том числе и в качестве рабочей силы, то есть рынок труда Бразилии имеет устойчивую возможность пополнения трудовыми ресурсами в растущих количественных показателях.

Оценивая показатели рынка труда, важно отметить долю экономически активного насе-

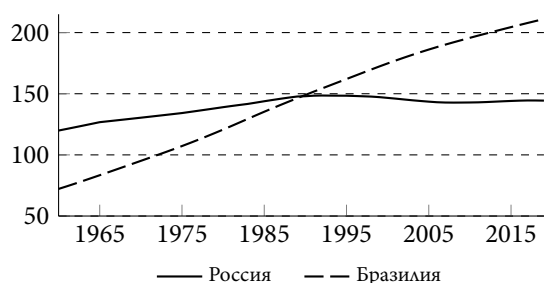

Рисунок 1 – Распределение численности населения в России и Бразилии (1960-2019 гг., млн человек)²

Figure 1 – Population, total – Russian Federation, Brazil (millions)

²Источник: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POPTOTL?locations=RU-BR>

³Источник: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.ACTI.ZS?locations=RU-BR>

ления на рынке труда России и Бразилии (рис. 2). Тенденции распределения доли экономически активного населения крайне динамичны как для России, так и для Бразилии, однако колебания представлены в разных плоскостях, если для Бразилии динамика колебаний преимущественно обусловлена общим трендом роста, то для России – колебания сосредоточены в части отрицательной динамики. Для обеих стран при этом можно отметить период выравнивания рынка труда 1994–2011 гг. и схожесть изменения доли экономически активного населения с умеренными колебаниями в рамках устойчивой понижающей тенденции с определенной численной дельтой с 2011–2020 гг.

Интересно отметить, что доля женщин в экономически активном населении России на протяжении исследуемого периода составляет большую величину, чем в Бразилии, с устойчивой тенденцией сохранения численности, в то время как для Бразилии отмечается положительная тенденция роста доли женщин в экономически активном населении страны, но все же процентно это величина меньшая, чем в России (рис. 3).

Распределение безработицы в России и Бразилии отличается разностью тенденций. Период до 2001 г. отличался превалярованием уровня безработицы в России по сравнению с Бразилией, однако далее тенденция роста безработицы в Бразилии существенно усиливается и достигает максимума в 2018 г., в то время как для России наоборот с 2001 г. формируется

Рисунок 2 – Распределение доли экономически активного населения в России и Бразилии (1990–2020 гг., в %)³

Figure 2 – Labor force participation rate, total (% of total population ages 15-64) (modeled ILO estimate) – Russian Federation, Brazil

Рисунок 3 – Распределение доли женщин в экономически активном населении России и Бразилии (1990–2020 гг., в %)⁴

Figure 3 – Labor force participation rate, female (% of female population ages 15+) (national estimate) – Russian Federation, Brazil

Рисунок 4 – Распределение уровня безработицы в России и Бразилии (1990–2020 гг., в %)⁵

Figure 4 – Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) – Russian Federation, Brazil

устойчивая тенденция снижения безработицы вплоть до 2020 г. с небольшим волновым всплеском как реакции на кризис 2008 г. (рис. 4).

Оценивая общие статистические показатели рынка труда России и Бразилии можно сделать один значимый вывод, состоящий в том, что в России отчетливо прослеживается завершенность формирования рынка труда: устойчивое снижение и малые доли безработицы, сбалансированность гендерного распределения рабочей силы, стабилизация долевого значения экономически активного населения, общей тенденции насыщения рынка труда рабочей силой и наметившаяся тенденция сокращения рабочей силы вследствие снижения пополняемости трудовых ресурсов из-за изменения общих численных показателей населения.

Для Бразилии характерен динамично развивающийся рынок труда, с постоянно возрастающим пополнением как численных,

так и долевого значений общей численности населения и экономически активной его части, гендерным дисбалансом, стабильной динамикой роста безработицы.

Определяя типологически характер покрытия рынков труда двух стран, можно заключить, что для российского рынка труда определяющей является интенсивная занятость, в то время как для Бразилии – экстенсивная.

Перспективы восстановления рынка труда

Экономическая комиссия в Латинской Америке и странах Карибского бассейна (ЭКЛАК) и Международная организация труда (МОТ) представили совместный доклад, в котором рассматривается динамика рынка труда в 2020 году и особенно влияние пандемии на рынок труда в этом регионе в целом и на молодёжный сегмент в частности [23].

Согласно экспертным оценкам, кризис, вызванный пандемией COVID-19, принесет существенные изменения в функционирование рынка труда. Сокращение валового внутреннего продукта региона будет иметь глубокие последствия для рынка труда и социальной политики стран. Меры сдерживания распространения коронавирусной инфекции, заключающиеся преимущественно в приостановке деятельности групп хозяйствующих субъектов вплоть до целых секторов экономики, в ограничении мобильности населения и в том числе рабочей силы, достигли рынков труда Латинской Америки и стран Карибского бассейна, что спровоцировало дальнейшее усиление и прежде существовавших диспропорций на рынке труда, в том числе и в части дифференциации доходов.

Анализ динамики рынка труда в последние месяцы 2020 года указывает на то, что группами риска в условиях кризиса стали в первую очередь женщины, молодежь и мигранты. Особенно важно здесь подчеркнуть молодёжную группу, так как она представляет интерес не только в плане текущего обеспечения молодых людей защитой их прав и свобод, но и в плане определения молодёжи как условия дальнейшего развития рынка труда, формирования рабочей силы, восполнения трудо-

⁴World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.NE.ZS?locations=RU-BR>

⁵World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=RU-BR>

вых ресурсов в будущем, обеспечения экономики качественной рабочей силой и приращення человеческого капитала государств.

Эксперты заявляют, что восстановление рынка труда Латинской Америки и стран Карибского бассейна после пандемии COVID-19 будет медленным и потребует существенных временных затрат. Основные показатели рынка труда вернутся к докризисному уровню и позволят снова говорить о возможности реализации целей, установленных в рамках Программы устойчивого развития еще далеко не скоро.

Возврат к уровню экономической активности до пандемии займет несколько лет: ожидается, что восстановление 3 % роста ВВП возможно лишь к 2023 году.

Эксперты ООН подчеркивают, что политика макроэкономической активности вместе с политикой секторального восстановления должны быть направлены на сохранение устойчивой занятости, поддержание экономики через систему налогообложения, привлечение инвестиционных проектов, уделение особого внимания экологической устойчивости, совместно с расширением промышленной и технологической активности с целью усиления производственных возможностей страны и повышения ее конкурентоспособности.

Группа пострадавших более других на рынке труда определяется в оценках по характеру трудовой деятельности; преимущественно это те, кто не может выполнять свою работу дистанционно. В этой группе находятся женщины, которым из-за ухудшения ситуации на рынке труда пришлось отказаться от возможности поиска работы и найма; работники неформального сектора, пострадавших от торговых запретов и ограничений и из-за снижения способности домохозяйств нанять работников; отрасли, связанные с торговлей, строительством, сектор услуг, в частности туризм и индустрия развлечений; молодые работники, которые в виду отсутствия рабочих мест не смогли стать занятыми; работники более низкого уровня квалификации в силу того, что их деятельность, как правило, сопряжена с необходимостью физического присутствия на рабочем месте.

Согласно оценкам, наибольшее влияние кризиса ощущалось во второй четверти 2020 года. По некоторым оценкам, потери рынка труда в этот период составили около 47 миллионов рабочих мест в регионе Латинской Америки и странах Карибского бассейна по сравнению с предыдущим годом. Большая часть из тех, кто потерял работу, не имели возможности реинтеграции в рынок труда. Поэтому рост безработицы с 8,9 % во втором квартале 2019 года достиг 11 % во втором квартале 2020 года.

Все эти тенденции усилили неравенство на рынке труда. Существенно снизилась трудовая активность женщин. Пандемия COVID-19 существенно повлияла на занятость молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, то есть тех, кто впервые должен был выйти на рынок труда.

Падение занятости в данной возрастной группе составило 7,8 процентных пункта относительно второго квартала 2019 г., а для 25-летних и старше – 7,3 процентных пункта. Аналогичным образом, рост уровня безработицы для молодежи во втором квартале 2020 года был выше, чем для других возрастов (3,4 против 1,8 процентных пункта).

Большие сложности как результат пандемии для молодежи в отношении рынка труда обусловлены как отсутствием вакансий для первичной занятости, так и расторжением краткосрочных и временных договоров с представителями данной возрастной группы, что все больше побуждает молодежь к выходу из состава экономически активного населения и пополнению группы тех, кто не работает и не обучается, что естественно может привести к очень серьезным последствиям как для рынка труда, так и для развития экономики государств в целом.

В этой связи особенно важно рассмотреть программы удержания молодежи в составе экономически активного населения, путем применения программ государственного соучастия с использованием инструментов переподготовки и повышения квалификации, предоставления субсидий занятости и грантов, иных программ, способствующих привлечению молодежи к активному участию на рынке труда.

Заключение

Кризис, вызванный пандемией Covid-19, несомненно, оказал влияние на все сферы хозяйственной жизнедеятельности обществ. Страны, обладая разной предварительной устойчивостью рынков труда, оказались по-разному вовлеченными в круговорот проблем воспроизводства и распределения занятости. Вместе с тем важно подчеркнуть, что те дис-

пропорции, которые были присущи национальным рынкам труда приобрели характер существенного усугубления в период разворачивающегося кризиса, что крайне необходимо учесть для трансформации политики управления занятостью в сторону сокращения изъянов (провалов) рынка труда через механизм государственного соучастия и активного государственного регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пигу А. (1985). Экономическая теория благосостояния. М. : Прогресс. 512 с.
2. Кузнец С. (1966). Современный экономический рост: норма, структура и протяженность. М. : Экономика. 297 с.
3. Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. М. : Изограф. 448 с.
4. Фридмен М. (1996). Количественная теория денег. М. : Эльф-пресс. 131 с.
5. Dornbusch R. (1993). *Stabilization, Debt, and Reform: Policy Analysis for Developing Countries*. Prentice Hall: London. 470 p.
6. Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99 % населения? М. : Эксмо. 480 с.
7. Корнаи Я. (2012). Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. М. : Издательство Института Гайдара. 352 с.
8. Базгулин А.В., Колганов А.И. (2015). Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. М. : ЛЕ-НАНД. 640 с.
9. Кузнецова В.П., Бондаренко И.А. (2018). Блокчейн как инструмент цифровой экономики в образовании // *Journal of Economic Regulation*. Т. 9. № 1. С. 102–109.
10. Бондаренко И.А., Асланова О.А. (2019). О гибкости рынка труда и безработице в экономике России // *Вестник Екатеринбургского института*. № 1 (45). С. 12–18.
11. Булгаков А.Л., Виноградова О.С. (2018). Оптимизация структуры капитала как способ антикризисного управления в сельском хозяйстве // *АПК: экономика, управление*. № 2. С. 26–37.
12. Ощепков А.Ю. (2020). Межрегиональные различия в оплате труда в России: роль долгосрочных структурных факторов // *Вопросы экономики*. № 11. С. 86–112.
13. Kunwon Ahn, Jun Yeong Lee, John V. (2020). *Winters Employment Opportunities and High School Completion during the Covid-19 Recession*, *IZA Discussion Paper*, no. 13802. URL: <https://covid-19.iza.org/publications/dp13802> (accessed 15.11.2020).
14. Топилин А.В. (2019). Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // *Вестник Российской академии наук*. Т. 89. № 7. С. 737–744.
15. WHO. Rolling updates on coronavirus disease (COVID 19). URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200907-weekly-epi-update-4.pdf?sfvrsn=f5f607ee_2 (дата обращения: 12.11.2020).
16. Total COVID 19 cases // *Financial Time*. URL: <https://www.ft.com/content/a2901ce8-5eb7-4633-b89c-cbdf5b386938> (дата обращения: 22.05.2020).
17. International Monetary Fund, *World Economic Outlook: The Great Lockdown*, April 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 15.11.2020).
18. Baldwin R., Weder di Mauro B. (2020). *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press VoxEU.org eBook. 125 p.
19. ILO Monitor: COVID 19 and the World of Work, fourth edition, 27 May 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_745963/lang--en/index.htm (дата обращения: 15.11.2020).
20. Kumar R., Mishra R.S. (2020). COVID-19 Global Pandemic: Impact on Management of Supply Chain, *International Journal of Emerging Technology and Advanced Engineering*, vol. 10, no. 4, pp. 132–139.
21. Russian capitalism and coronavirus // *Con-*

federation of Labour of Russia. URL: <http://www.ktr.su/en/content/news/detail.php?ID=6893> (дата обращения: 15.11.2020).

22. Employment working group of the G20 countries during the Japanese chairmanship of the forum.

URL: <https://mintrud.gov.ru/eng/news/117> (дата обращения: 14.11.2020).

23. *Cooyuntura Laboral en América Latina y el Caribe: La dinámica laboral en una crisis de características inéditas: desafíos de política*, OIT, 2020, no. 23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гневашева Вера Анатольевна – доктор экономических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); vera_cos@rambler.ru.

Бруно де Конти – Университет Кампинас (13083-970, Бразилия, Кампинас, Сан-Паулу, Университетский городок «Зеферину Ваз»).

PRECONDITIONS FOR MANAGEMENT IMPACT ON LABOR MARKETS IN CASE OF COVID-19 NEGATIVE EXTERNALITY: BY THE EXAMPLE OF RUSSIA AND BRAZIL

V.A. Gnevasheva^{6a}, B. de Conti^b

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

^bUniversity of Campinas

ABSTRACT:

The paper reveals the preconditions for labor markets transformation in Russia and Brazil in the context of modern external influence. It is emphasized that such a comparison of two markets, a priori different in the dynamics of development, is important for assessing the degree of influence of negative externalities, which are focused on the social sphere. One of the analyzed labor markets – the Russian labor market – has reached the point of its saturation, while the other labor market – the Brazilian labor market – is characterized by the long-term and rapid growth of certain parameters that play a crucial role in the context of labor market mechanisms.

The scientific goal of the study is to determine the notion of negative externality of COVID-19 in order to describe the conditions for transformation of two labor markets different in socio-economic preconditions and development potentials.

The methodological basis of this research is the theoretical works of both modern and classical authors, revealing the issues of the emergence and impact of negative externalities on the development of socio-economic processes in general and the labor market in particular.

The material for the study is the Russian and international databases of official statistics presenting both general trends in labor markets and the latest modifications caused by the COVID-19 pandemic.

As a **result**, the study reveals current tendencies in the transformation of the labor markets characteristics typical of the two countries according to the main indicators of the market mechanisms; it also describes and compares these tendencies emphasizing the main similarities and differences between the markets; it singles out several factors that can influence the situation and provides predictive evaluation of the outcomes. The revealed tendencies in the development of the analyzed markets are determined from the standpoint of their sustainability under the conditions of negative externalities of the COVID-19 pandemic. Measures that are taken and could be taken in terms of managerial influence are described with regard to the official documents of these countries in the sphere of labor market management. The prognostic focus of certain managerial tools influencing the labor markets is summarized.

⁶RSCI AuthorID: 298524, ORCID: 0000-0002-3596-661X, ScopusID: 57197809094, ResearcherID: E-3157-2014

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-04-60479.

KEYWORDS: labor market, Russia, Brazil, COVID-19, negative externality, labor market failures.

FOR CITATION: Gnevasheva V.A., de Conti B. (2021). Preconditions for management impact on labor markets in case of COVID-19 negative externality: by the example of Russia and Brazil, *Management Issues*, no. 1, pp. 1–13.

REFERENCES

1. Pigou A. (1985). *Economic theory of welfare*. Moscow, Progress, 512 p.
2. Kuznets S. (1966). *Modern economic growth: norm, structure and extent*. Moscow, Economy, 297 p.
3. Walras L. (2000). *Elements of pure political economy*. Moscow, Isograf, 448 p.
4. Friedman M. (1996). *Quantitative theory of money*. Moscow, Elf-press, 131 p.
5. Dornbusch R. (1993). *Stabilization, Debt, and Reform: Policy Analysis for Developing Countries*. Prentice Hall: London. 470 p.
6. Stiglitz J. (2016). Great division. Inequality in society, or what should the remaining 99 % of the population do? Moscow, Eksmo, 480 p.
7. Kornai J. (2012). Reflections on capitalism (trans. from hung. by O. Yakimenko; sc. ed. D. Raskov). Moscow, Publishing house of the Gaidar Institute, 352 p.
8. Bazgulin A.V., Kolganov A.I. (2015). *Methodology: Beyond Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism*. Moscow, LENAND, 640 p.
9. Kuznetsova V.P., Bondarenko I.A. (2018). Blockchain as a tool of the digital economy in education, *Journal of Economic Regulation*, vol. 9, no. 1, pp. 102–109.
10. Bondarenko I.A., Aslanova O.A. (2019). On the flexibility of the labor market and unemployment in the Russian economy, *Bulletin of the Catherine Institute*, no. 1 (45), pp. 12–18.
11. Bulgakov A.L., Vinogradova O.S. (2018). Optimization of the capital structure as a method of anti-crisis management in agriculture, *APK: economics, management*, no. 2, pp. 26–37.
12. Oshchepkov A.Yu. (2020). Interregional differences in wages in Russia: the role of long-term structural factors, *Economic Issues*, no. 11, pp. 86–112.
13. Kunwon Ahn, Jun Yeong Lee, John V. (2020). Winters Employment Opportunities and High School Completion during the Covid-19 Recession, *IZA Discussion Paper*, no. 13802. URL: <https://covid-19.iza.org/publications/dp13802> (accessed 15.11.2020).
14. Topilin A.V. (2019). Labor potential of Russia: demographic and socio-economic problems of formation and use, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 7, pp. 737–744.
15. WHO. Rolling updates on coronavirus disease (COVID 19). URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200907-weekly-epi-update-4.pdf?sfvrsn=f5f607ee_2 (accessed 12.11.2020).
16. Total COVID 19 cases // Financial Time. URL: <https://www.ft.com/content/a2901ce8-5eb7-4633-b89c-cbdf5b386938> (accessed 22.05.2020).
17. International Monetary Fund, World Economic Outlook: The Great Lockdown, April 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WE O/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed 15.11.2020).
18. Baldwin R., Weder di Mauro B. (2020). *Economics in the Time of COVID-19*. CEPR Press VoxEU.org eBook. 125 p.
19. ILO Monitor: COVID 19 and the World of Work, fourth edition, 27 May 2020. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_745963/lang--en/index.htm (accessed 15.11.2020).
20. Kumar R., Mishra R.S. (2020). COVID-19 Global Pandemic: Impact on Management of Supply Chain, *International Journal of Emerging Technology and Advanced Engineering*, vol. 10, no. 4, pp. 132–139.
21. Russian capitalism and coronavirus. Confederation of Labor of Russia. URL: <http://www.ktr.su/en/content/news/detail.php?ID=6893> (accessed 15.11.2020).
22. Employment working group of the G20 countries during the Japanese chairmanship of the forum. URL: <https://mintrud.gov.ru/eng/news/117> (accessed 14.11.2020).
23. Coyuntura Laboral en América Latina y el Caribe: La dinámica laboral en una crisis de características inéditas: desafíos de política, *OIT*, 2020, no. 23.

AUTHORS' INFORMATION:

Vera A. Gnevasheva – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); vera_cos@rambler.ru.

Bruno de Conti – University of Campinas (Cidade Universitária “Zeferino Vaz”, Campinas, São Paulo, 13083-970, Brazil).